

Секция VII

ЛИЧНОСТЬ И ИДЕАЛЫ СОЦИАЛИЗМА ОТ «ОТТЕПЕЛИ» ДО ПЕРЕСТРОЙКИ

М.Я. Рожанский

ПРАКТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ: ЭЙФОРИЯ КОЛЛЕКТИВИЗМА НА «УДАРНОЙ СТРОЙКЕ», 1950–1980-Е ГГ.

Данный доклад является частью исследования *советского идеализма, его природы и противоречий*. Молодые сибирские города — обязательное поле для исследований «советского» как личностного феномена, несводимого к тотальному воздействию воспитания, изоляции от мира и к подавлению личности. Исследовательский фокус на «*эйфории коллективизма*» позволяет рассмотреть сложное переплетение индивидуального и коллективного, динамику коллективных ценностей и их отношений с ценностями официальными.

Основная источниковая база доклада — биографические интервью, собранные в сибирских городах Ангарске, Братске и Усть-Илимске в 1994–2006 гг.

В докладе особое внимание уделено первым годам строительства Братской ГЭС, поскольку начало строительства совпало со сменой эпох (в социально-политическом измерении — началом публичного отмежевания от репрессивных методов руководства) и стройка оказалась «переходной», если смотреть с исторической дистанции. В базе интервью, взятых в Братске, есть пятидневное биографическое интервью (примерно 12 часов) с Кларой Алексеевной Тимониной (далее Клара Т.). Оно стало опорным для данного доклада. Биографическое повествование используется не как иллюстрация, а как способ удержать антропологический фокус анализа — это возможно только через детальное видение биографии человека. Материалы, связанные с Усть-Илимском, дают возможность рассмотреть исследуемый феномен в контексте нескольких десятилетий.

В ставшей классической книге П. Вайля и А. Гениса о мире советского человека 60-х гг. параграф о Сибири — всего лишь небольшое эссе. Представить советские шестидесятые без сибирских свершений невозможно, но тема при попытке рассмотреть ее в динамике и в географии становится необъятной, и един-

ственной возможностью остается именно эссе, выстроенное на предельных обобщениях и ярких метафорах: «Не Братскую ГЭС строили молодые энтузиасты, а обещанный Лениным и Хрущевым коммунизм. До осуществления мечты оставался один шаг, полшага...»¹.

Идеал отождествляется с предписанной свыше идеологией, энтузиазм привечно связан с мечтой о коммунизме. У тех, кто в этих стройках участвовал, слово *энтузиазм* не вызывает возражений, но сами они это понятие если и используют, то со снижающими оговорками. Самоотдача, которую проявляли участники «великих строек», никогда не объясняется воздействием пропаганды или верой в коммунизм. Но все собеседники без исключения (заметим, что все они из числа тех, кто остался жить в построенном городе) об этих особых настроениях и исключительной психологической атмосфере говорят. Клара Т. обозначила эту психологическую атмосферу кратко: «Эйфория была». Некоторые из вспоминающих не только выражают ностальгию по этому поводу — в их повествовании без каких-либо специальных вопросов с моей стороны возникает и рефлексия по поводу этой «эйфории». Они пытаются объяснить себе и мне, почему «эйфория» возникла, но никогда и никто не рассматривает ее в негативных коннотациях. Даже в подобной рефлексии эйфория коллективизма, пережитая когда-то, расценивается как большая личная жизненная удача тех, кто приехал на стройку и остался на ней.

Первостроители: нужда и романтика

Что вело людей в необжитые места? Чаще всего желание и/или необходимость начать новую жизнь. «Нужда гнала и романтика была», — лапидарно ответила Клара Т. Они с мужем приехали на строительство 30 декабря 1955 г. В тот день было 56 градусов мороза («Оказывается действительно мозги замерзают — это не преувеличение»). В гостинице («вот — две палатки стоят») гомон, «цифир» и горячее обсуждение вновь прибывшими, на какой именно участок строительства надо попасть. Назавтра, когда определялись с жильем, увидели в приглянувшейся им палатке молодую пару с двумя маленькими детьми и решили: «С детьми приехали, а мы-то уж проживем». В лаборатории по испытаниям энергооборудования, где работала Клара Т., сложился небольшой коллектив людей с разными, но в чем-то типичными биографиями послевоенного времени:

С.: «В Норильске десять лет отработал, реабилитирован. Очень многие остались в Братске на строительстве. Почему? Ну, вот он. Сам из Минска. Дом разбит, ничего там нет. Ну, вот он остался».

К.: «Вот как судьба человеком. Впервые встретила еврея, который работал шофером. В финскую войну работал на полutorке — остался жив. Всю войну был сапером. Остался жив. Получилось пять лет, и оказалось, эта служба не засчитывается и «надо еще действительную». После действительной восемь лет был в армии, потом сюда».

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 83.

П.: «Этот сидел уже у нас, на Вихоревке <поселок недалеко от Братска. — М.Р.>».

П.Г.: «Он был рентгенолог, всю войну прошел в медсанбате. Вернулся домой, всё нормально, встретили — выпили. Он говорит: „Неправильно, что в Германии простые люди все на помойках живут. У них тоже всё хорошо устроено. У них не колхозы, но у них тоже кооперативы. Фермер арендует технику, заключают соглашение о покупке продукции“. Ему дали десять лет. А были все совершенно свои».

В.: «Родом из поволжских немцев. Работал электриком у Павлова — физиолога. В июне сорок первого был в деревне. Когда началась война, был три дня на покосе. „Возвращаюсь — идет техника, не обратил внимания, там шли маневры. А мне «Хэнде хок». Батрачил, всё делал“. Затем откатывался вместе с немцами от наступавшей советской армии, арестован и после пыток В. подписал признание. Ему в камере говорят: подпиши, отсидишь срок в Тайшете и выйдешь, а так живым не оставят после того, что с тобой делали. Ну и решил: подпишу, отсижу в Ташкенте в тепле. А его всё везут и везут — в Тайшет. А жена с сыном приехали к нему. Его мало посылали на лесоразработки — на все руки мастер, женам начальства надо шить — машинку надо отремонтировать там. Он несгибаемый такой, выжил потому, что дал себе приказ молчать».

Такие люди собрались у меня в лаборатории».

А вот рассказ о коллеге из другого инженерно-технического подразделения, с которой Клара подружилась в Братске:

Она вечно скрывает, сколько ей лет. Но она действительно не знает, сколько ей лет. Дело в том, что отца у нее репрессировали. Сама она Рабинович. Эта фамилия ее очень сильно... В те время она бы никогда не поступила. Она всё скрывала. А как только у них задалась возможность с Дмитрием, вроде сначала и брак-то они условный сделали, чтобы ей сменить фамилию. Иначе она бы не поступила в институт.

Вот семейное предание о деде, поведенное человеком, родившимся в Братске:

Бабушка говорит, те переживания, которые он перенес, когда он видел разоренную Европу — разоренная Европа может быть лучше, чем Россия в мирное время. Он пришел и просто начал пить... потом просто бросил пить и начал чем-то заниматься и стал деньги носить в дом. Потом приехал «воронок» и забрал его. Ему дали статью за соучастие в вооруженном бандитизме. Он как соучастник, а не то что участник. Его отправили «на химию». Сначала их куда-то в Сибирь шибанули: лес рубил, а потом его кинули сюда строить Братск и Братскую ГЭС. А моя бабушка, она забрала дочь — мою мать — и поехала за мужем в Сибирь, как декабристка. (Вячеслав П.)

Это — свидетельства о людях «с непростыми судьбами», которые были взрослыми во время войны. Но на стройке преобладали (особенно на рабочих специальностях) те, кого война застала детьми или подростками. Многие ехали сразу после демобилизации из армии, кто-то из сибирских деревень, кто-то с другихстроек, проходивших не в таких экстремальных условиях, кто-то уже успел по-

бывать в непростых жизненных ситуациях. У всех были, безусловно, непростые характеры и способность к самостоятельному решению — во всяком случае, у многих, кто остался в Братске. Вот свидетельство о тех, кто был занят непосредственно на строительных работах:

Моя подруга сюда приехала из Москвы тоже по комсомольской путевке. Целый поезд был. Ну, конечно, девчонки после окончания школы, та, например, в институт не попала. Она поступила, но подруга ее не поступила и по этой причине она за компанию не стала учиться. И приехали сюда. Тетка ее готовила. Стеженки, говорит, им дали. Лето было, а думали, что мороз тут. Удивительное дело. И, вот, этих девчонок потом отправили работать на ЛЭП. Эту ЛЭП строили не 220, а 110. Первую ЛЭП ввели из Иркутска... Они работали там на бетоне. Нужно было все опоры бетонировать. Это кошмар. Зима, палатки, холодина. Приходили в робах в бетоне, так и плюхались на кровати. Потом утром вставали, с себя их сдирали, что-то на себя одевали и опять шли работать. Как можно было девчонок туда отправлять. Потом уже удивлялись. Мыслимое ли дело. Работали наравне с мужчинами. (Людмила З.)

Что касается Клары Т., то она не вспоминает каких-либо веских причин, которые побудили их с молодым мужем уехать с Поволжья в Сибирь: отдельную жилплощадь они вскоре должны были получить там, карьерные соображения их никогда не волновали. Все версии можно строить на свидетельствах о характерах Клары и ее мужа Геннадия. Приведем одно красноречивое из интервью с Klarой:

Когда мы ехали, несколько часов мы стояли в Тайшете. Поскольку был 55 год, шла реабилитация заключенных. И вот там, на вокзале в Тайшете, в этот мороз лежало столько скрюченных искалеченных людей, ревматичных. Они не могли ходить, под ними лужи, они примерзли. Меня мой еле удержал. Я бы натворила дел. Я не могла этого... я рвалась к дежурному. Мой только держал меня. Он говорил: «Ты пойми, ты сама угодишь туда». Я могла наговорить не знаю чего. Но в конце концов: «Всё, всё будет... за ними приедут и скоро их куда-то увезут... на носилках унесут». Понимаешь, меня, как дуру, облапошили, конечно. Уехали мы. Но эта картина у меня стояла долго перед глазами. Я впервые увидела эту бесчеловечность. Кошмар какой. Не приведи бог.

О характере Геннадия достаточно свидетельствует то, что коллеги его прозвали «правдолюбом».

Переброской рабочей силы и специалистов на ударные стройки режим решал экономические задачи по освоению территорий и ресурсов. Но намеренно или по логике вещей решались и задачи социально-политические: таким пострепрессивным способом «сбрасывался» наиболее мобильный социальный элемент, который представлял собой (понимали это функционеры режима или нет) действительную опасность и каждодневные неудобства как для бюрократии, так и для идеологической системы. Трудно такой «сброс» расценить как сознательную стратегию — слишком велики риски, связанные с концентрацией социально-активных людей без жесткого надзора. И даже если эти риски, как и задачи профилактики социального недовольства, рассматривались, то, вне сомнения, были на втором плане по сравнению с экономическими задачами.

Каких-либо характеристик от приехавших самостоятельно не требовали, во всяком случае, мои респонденты об этом не помнят. Не существовало и никакой системы ответственности руководителей, направлявших на «ударную стройку» своих работников, за поведение или «политическое лицо» направляемых. Важно было, чтобы выполнялась разрядка по количеству людей.

Эйфория против анонии

Великие стройки в постгулаговскую эпоху выглядели на фоне страны, как горящие лампочки плана ГОЭЛРО. Они обозначали места, где происходил прорыв в будущее — фронт модернизации и оазисы настоящей кипучей жизни, где всё не так, как везде. Миллионы людей разного возраста после войны, после освобождения из лагерей или ссылки, накануне демобилизации находились в ситуации выбора места жизни. В любом месте новый человек так или иначе проходит через недоверие, а в советских условиях «чужак» особенно подозрителен и «по СССР бегать не полагается», как говорил один из персонажей пьесы М. Булгакова «Зойкина квартира». Выбор же в пользу новой стройки социально одобряется, и все на ней, за исключением молодежи из местных деревень, были приезжими. Но и для сельской молодежи стройка не нечто навязанное, а новые возможности:

Нас отправили на картошку в деревню, на острова. Так молодежи там было мало. Спрашиваем — где ваша молодежь? А они все подались: кто — в город, кто — на стройку. В деревне не хотели. К образованию хотели. У нас в первый же год в школе открыли вечернюю школу. Было битком забито. Стремилась учиться. (Людмила З.)

Модернизация воспринималась не только как цель, она осуществлялась здесь и теперь. Символом модернизации были современная техника и образование. Учительница рассказывает о повседневности школы, в которой работала:

Тогда все три этажа были забиты вечерниками. Многие отслужили уже армию. А днем там были учебные пункты. И еще была дневная «вечерняя» школа — потому что ребята работали посменно. (Людмила З.)

Воспоминание о бригаде рабочих:

Хотя люди в основном с 4 классами — система учебных пунктов — научат на кране работать или шоферить. (Анна Г.)

Но и для тех, кто приезжал после армейской службы или после работы на другом строительстве, имея востребованную специальность, стройка открывала профессиональные перспективы. Так, например, водитель вспоминает о том, что начальство обещало «посадить на новые машины» и ему такая новая техника была доверена, в одном ряду с получением собственного жилья (Василий В.).

Представьте себе — крестьянин. В любой области, крае. Это тяжелейший труд. В Сибири он трижды тяжелей. Условия тут такие тяжелые. И когда

стройка началась, все поняли, видели, я бабушку Агафью 40 раз вспоминал, пришли трактор, самосвал, бурилка, электропилы, краны и всё прочее. Она посмотрела всё это и говорит: «Сейчас так работают, как мы раньше отдыхали». Жизнь коренным образом изменилась. Появился свет и так далее. (Николай Д.)

Образ мотыльков, летающих на огни большой стройки и молодого города, — один из излюбленных образов «писателей-деревенщиков». Но и предельно далекий от тяги к патриархальности Г. Свирский в рассказе «Братская ГЭС»¹ готов увидеть таких обманутых ярким светом мотыльков, если не во всех приехавших в Братск, то во всех тех, кто ехал в поисках новой чистой жизни. Свирский описывает повседневную работу и быт строителей совсем в других красках, нежели мои собеседники, жившие и работавшие в Братске, он беспощадно отражает то, что в социологии называется аномией — распадом социальности. Герои, которым автор симпатизирует, вполне похожи на тех, о ком охотно рассказывают мои респонденты. Но только пребывают они совсем в другой социальной атмосфере, которую один из персонажей рассказа сравнил с тюремной пересылкой.

Во время своей журналистской командировки автор (повествование идет от первого лица и по жанру близко к очерку) постоянно видит драки, пьянство, равнодушие и привыкание к человеческому горю, регулярно слышит о смертях и увечьях на строительстве, убийствах и самоубийствах. Персонажи рассказа Свирского — люди, попавшие в ловушку, как главный герой — парень, уехавший из мира несправедливости, где судьбы решают беспринципные маленькие и большие начальники, а лучшие человеческие качества проявляют заключенные, либо люди с жизненным опытом, которые давно поняли, что везде одно и то же, но по биографическим причинам им лучше оставаться здесь. Выпукло созданы и образы начальников — беспринципных и равнодушных к судьбам приехавших и вообще ко всему, кроме благ — материальных и карьерных.

В задачи исследования не входит анализ рассказа-очерка Г. Свирского, но это произведение, будучи основанным на личных впечатлениях (по ряду признаков — примерно 1960–1961 гг.), резко отрицательно рисует повседневность ударной стройки в Братске, в отличие не только от произведений подцензурных, но и собранных мной воспоминаний. Нет причин искать сознательное «сгущение красок» и сомневаться в искренности Свирского, автора откровенных и мужественных документальных произведений. Нам в данной работе необходима констатация, что социальный мир, который увидел в Братске писатель, и социальные миры моих респондентов (подчеркиваю — все они остались на строительстве и в городе в отличие от героев рассказа) радикально противоположны. Достаточно привести как пример свидетельства Людмилы З.:

Одно только ЧП было — парни приехали, и драка была, и убили одного парня. Все были поражены.

Водки и вина было мало. Помню, была водка кориандровая, можжевельниковая. В основном, настойки. На травах. Но это всё было в Братске. На Падуне был магазин, а так-то не было. Пьяных было мало. Пьянки как таковой

¹ <http://lib.ru/NEWPROZA/SWIRSKIJ/svirsky6.txt>

не было. Кто-то оставался здесь. Кто-то собирался уезжать. А уезжать — надо заработать деньги.

Один из собеседников — Василий В., работавший шофером на строительстве плотины, на прямой вопрос о драках и пьянках рассказал, что обычно после вечерней смены возвращался к себе в окраинный поселок пешком без всякой опаски и без единого инцидента за несколько лет.

Рождению нового мира всегда сопутствуют эйфория и anomia. Признаки того и другого мы можем обнаружить в свидетельствах и о молодом Братске, и о молодом Усть-Илимске. Проблематизация, которая возникает в результате противопоставления, может быть сформулирована следующим образом: эйфория коллективизма была не единственным социальным миром, характерным для великих строек постгулаговского периода, но именно этот социальный мир стал базисным для идентичности возникших в результате этих строек молодых городов и основой их исторического предания.

Словарное определение понятия «эйфория» — неоправданное реальной действительностью благодушное, повышенно-радостное настроение¹. «Понимающая» социальная наука рассматривает социальный мир человека как часть реальной действительности. И этот социальный мир вполне оправдывал «повышенно-радостное настроение».

Эмоциональный настрой поддерживался и рационально — обоснованием правильности сделанного выбора. Для себя или для тех, кого нужно было убедить в этой правильности, использовались любые признаки того, что на великой стройке действительно открываются возможности обновления жизни, новой биографии, доступ к перспективам модернизации.

Получение жилья тоже было не просто решением проблемы и появлением своего угла, а приобщением к новой, современной жизни.

Очень тяжело идти от хорошего к плохому. Но для нас каждое маленькое хорошее было — что ты... Когда я первый раз зашла в свою комнату из палатки — ну, как тут объяснить. Конец августа, у нас много было переселений. Отопление уже дали. Электричество провели в дом. Что вам надо еще? Дом деревянный, пакля с верхних пазов висит на пол-метра — плохо протыкнута. На первом этаже, где маляры краски свои разводили, краска лепками — и стены просто деревянные нестроганные, окна так вставлены. Входим: «Гена, как хорошо — батареи горячие» (Клара Т.).

Возникающая в памяти параллель со стихотворением Маяковского (о вселении литейщика Ивана Козырева в новую квартиру) оказывается неизбежной, когда Клара вспоминает подробности обживания. Несмотря на то что ни советскую власть, ни социализм в отличие от героя Маяковского она не вспоминает, эмоции не менее глубокие — переживания человека, входящего в новую жизнь:

Поставили свои два чемодана, у меня были две подушки, два одеяла ватных — мама мне подарила. Выручили очень в палатке. Время три, четвертый час

¹ Словарь иностранных слов / Отв. ред. В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. М.: Рус. яз., Медиа, 2003. С. 773.

уже — надо и о вечере уже подумать. Гена мигом чурков наносил, сколотили топчан из досок, газет настлали, ток есть в розетке — как хорошо — тут же чайник на полу поставили, скипятили, отварили, уселись есть. А ноги мелькают у нас в окошке, потому что еще не закрыли канавы — отопление проводили — и поверх ходят, ноги мелькают, заглядывают. Ну ладно, люди свои.

Каждое приобретение — событие: покупка стола, покупка стиральной машины, которую сразу же испытали, и через пятьдесят лет Клара хорошо помнит, что для испытания рискнули кальсонами китайского производства, которые специально принесла соседка. Событием стало и появление в доме туалетной бумаги, поскольку о существовании такого блага цивилизации молодожены не подозревали до того, как увидели товар в магазине. Детали, как ступени в новый образ жизни, запечатлелись еще и потому, что они сообщались «городу и миру».

Дочка Клары Т. дополняет эти воспоминания рассказами родителей, которые слышала в детстве: «Когда ждали квартиру, мама не верила, что в каждой квартире собственный туалет — зачем отдельные туалеты?» (Валентина К.).

Обратим внимание в повествовании Клары Т. на формулу «Люди свои», обозначающую взаимный расчет на сочувствие каждого, некоторую неопределенную степень открытости семейной, домашней жизни перед теми, кто тоже приехал на эту стройку.

Великие стройки — переплетение интереса к изменению своей биографии и социальных условий. «Эйфория коллективизма» возникла потому, что сбывались надежды и ожидания, которые предшествовали решению ехать на стройку, радикально менялась биография, радикально иными оказывались социальные условия.

Практические жизненные возможности, которые воспринимаются даже не как ресурс для будущей жизни, а начало этой новой жизни — контрастно отличной от прежней — определяются логикой большого проекта. Но большой проект — это прежде всего мобилизующая цель и исторические смыслы, которые становятся для участника экзистенциальной опорой. И это особенно важно для маргинала, у которого дефицит экзистенциальных опор.

Мой брат приезжал ко мне (из деревни в Нечерноземье) и говорит: «Знаешь, сестра, ты не гордись, что вы строите величайшую ГЭС. Не только вы строите, и мы строим». Отсюда он набирал рыбных консервов, камбалы. На которые мы внимания не обращали. Он говорил, что у них и пшеница нет. «Мы ничего почти этого не видим. У вас тут всё есть... Не одни вы строите ГЭС». (Клара Т.)

Диалог, точнее, его версия и контекст, оставшиеся в памяти, ясно свидетельствуют, что участие в стройке было предметом гордости, что участники стройки воспринимали ее исторические смыслы как собственное достояние. На протяжении многочасового интервью Клара всякий раз сокращала штамп «*величайшая в мире*» до иронического «*чайшая*», как бы передразнивая пропаганду того времени и дистанцируясь от своих бывших иллюзий. Братская ГЭС не перестала быть одной из крупнейших в мире, но под сомнения попали смыслы такого гигантизма и его последствия. Но ни в коей мере не подвергалась сомнению исключительность социального мира, возникшего на гигантской стройке:

- Люди были тут более непокорные, более свободные, чем на Волге?
- Люди тут были более самозабвенные. Тут был такой дух, он шел от людей: что надо ГЭС построить, что мы будем жить лучше, что нам дадут квартиру. Столько было открыто учкомбинатов — люди получали специальности.

В этом коротком ответе названо, по сути, всё перечисленное ранее — историческая задача, работа, жилье, учеба. Но акцент падает на слово «дух» — метафору общественной атмосферы, настроений, самоотверженности.

Солидарность маргиналов

Каждый, кто приезжал, ожидал от стройки нового стиля человеческих отношений, а от себя — способности к преодолению экстремальных условий жизни. И действительно, для каждого приехавшего в Братск стройка была не просто сменой места и условий жизни, а возможностью самореализации и самоутверждения. Эта перемена — собственно первое и необходимое условие того, чтобы возникло ощущение большой жизненной удачи, причем не выпавшей в лотерею, а ставшей результатом собственного решения.

Пространственная (физическая) и социальная мобильность были настолько интенсивны и настолько характерны для большинства населения, что понятие *маргинальность* в его классическом варианте (восходящем к Роберту Парку¹) может быть принято как одно из ключевых для понимания процессов социализации человека в условиях советской модернизации. Власть большевиков являлась результатом и катализатором модернизационных процессов, ломавших социальные структуры и задававших высокую степень социальной мобильности. История советского общества наследовала двум с лишним векам социальной мобильности формировавшейся Российской империи и российского общества. Революция произошла в маргинализованной стране, где мобильность людей — не столько периферия или результат функционирования социальных институтов, сколько основа их возникновения и существования. Власть, собственно, и приняла этот факт за социальную основу своей деятельности и целями, лозунгами, поддержкой иллюзий выразила стремление и привычку переделывать жизнь. К естественным модернизационным процессам (урбанизация, резкий рост количества получающих образование и т. д.) прибавилась еще деятельность власти по рассечению социальных связей, тотальная и перманентная маргинализация населения.

Для нашей темы принципиально важно, что маргинальность — предпосылка к стремлению человека изменить свое место в мире. В том числе и за счет участия в изменении мира. Процесс, на котором основывалась советская модернизация и который ею поддерживался, — воспроизводство социальной активности, более того — социальной энергии, т. е. стремления и готовности человека вкладывать свои усилия в социальные изменения.

¹ Маргинальность (...) — состояние пребывания частично внутри социальной группы и частично вне ее. См.: Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь / Пер. с англ. М.: Вече, 1999. Т. 1. С. 389.

В контексте сбывшихся личностных ожиданий можно рассматривать трудовой энтузиазм, свидетельство о котором прочитываются в интервью: «Народ здесь был самозабвенный», «ханжество — не ханжество, но стыдно было о деньгах спросить». Николай Д. и Клара Т. рассказали оба об эпизоде, свидетелями которого были: сын одного из руководителей стройки, проходивший как студент производственную практику, отказался выполнять поручение, требовавшее работы на одном из участков электросети, находившемся под напряжением. С точки зрения техники безопасности он был прав, но его дружно осудили взрослые члены коллектива — это противоречило нормам трудовой этики, господствовавшим на стройке. Интересы дела не только для руководителей, но и для рядовых работников предполагали работу на грани обдуманного риска.

Психологическая атмосфера, преобладавшая на рабочих участках, описывается в духе фразы из интервью Людмила З.: «Работали с какой-то легкостью», передающей удивление из сегодняшнего дня тем отношением людей к работе, которое запомнилось. Этой фразе почти непосредственно предшествовал процитированный выше эпизод про тяжелую мужскую работу на бетоне, которую выполняли молодые девушки из Москвы. И во всех интервью, когда возникают эпизоды повседневного труда, можно представить напряжение и авральный характер работы.

Очевидно, что трудовой энтузиазм — лишь одна из составляющих эйфории и также очевидно, что это энтузиазм труда коллективного, скорее, следствие общей психологической атмосферы, нежели воодушевление трудом. Эйфория если и связана с трудовым энтузиазмом, то не сводится к нему. В сегодняшних воспоминаниях он не является главной темой. Когда речь идет о трудных условиях работы и быта, то подчеркивается именно экстремальный (говоря современным языком) характер этих условий и способность людей к напряжению сил. Особенно суровые условия быта и труда выдались в первую зиму, но и они воспринимались как то, что оказалось преодолимым, стало повседневностью.

Всё было неустроено, страшно неустроено. Ну и что? Палатки не смущали, не боялись. Наводнение в декабре. Ночью. Мы из палаток перебрались в недостроенный дом. (Людмила З.)¹

Народ деятельный. Гора Шанхай — врезались, делали землянку (они теплее), и по всей горе горели огни. На ней разбивали огороды, разводили коров и свиней. (Клара Т.)

Лето приносило свои, тоже экстремальные, трудности:

А сколько тут было мошкары. Я помню, ходил такой агрегат, который пускал дым с дустом. И вот этот дым на какое-то время травил эту мошку. Через час мошка снова появлялась. А ребята все бегут и дышат этим. Называли его «мошкодавка». Потом вода поднялась, и мошки не стало. Она на берегу в болотцах плодилась. (Людмила З.)

¹ В последующие годы, когда Ангара была перекрыта и когда люди жили уже не в палатках, лишения воспринимались уже как проблема организации, как чья-то вина.

В рассказах не просто описывается атмосфера коллективной жизни, но всё время акцентируется ее исключительность. Метафора «дух» и возникает как экспрессивная форма такого подчеркивания.

Стиль отношений можно определить двумя формулами из разных интервью: «не помню ни одного конфликта» и «ржачка всё время стояла». Первая фраза относится к трудовому коллективу, вторая — к общему палаточному быту. Небольшие иллюстрации (которые можно множить) к этим двум формулам.

В палатке было пять семей, а кровати односпальные. Делали из досок топчан, который клали на кровать, чтоб муж с женой мог спать. Топчаны скрипели, конечно. Столько смеха было наутро: а эти-то до пяти скрипели — спать не давали.

Здесь как одна семья была. Большинство жили в палатках, а палаточный городок — как одна семья.

Собирались по праздникам по бригадам. В те времена понятия «мы не сработались» не было. Не нравится тебе, ну, не нравится человек — но ему надо жить. Всей лабораторией перешли на ГЭС.

Народ здесь был демократичный.

Народ, который работал, было — скромность — не скромность, ханжество — не ханжество в отношении денег — стыдно спросить об оплате. Мужики считали ниже своего достоинства об этом говорить.

Народ был молодой, смеялись.

Два мотива постоянно звучат в каждом интервью о первых годах Братска. Во-первых, атмосфера веселья, которая запомнилась настолько ярко, что можно предположить значимость ее как функции психологической разрядки, личного освобождения. А во-вторых, простота и нецеремонность отношений, но не грубость и бесцеремонность — обязательно отмечается равенство ситуаций каждого, кто приехал в Братск, сквозит уважение к мотивам и причинам приезда, к умениям и качествам друг друга.

Аналогичные мотивы встречаются и в детских воспоминаниях о первых годах Усть-Илимска:

Мы два года в деревянном бараке прожили и потом переехали на «50 лет ВЛКСМ» — самые первые дома были. Я помню праздники там: Новый год, Седьмого ноября. То есть гуляли всем подъездом, все друг друга знали, вот именно атмосфера жизни, вот такого какого-то... все жили одними интересами и соответственно... Все были одного возраста, все стремились изменить, может быть, на самом деле что-то в своей жизни. Знаю, что у нас на третьем этаже Соколовы жили, всегда пацаны собирались вместе со всего подъезда у них там... Новый год всегда и наготовят, нажарят, потом разбредаемся, родители в постель заткнут. В новогодний праздник всегда же ходят туда-сюда... на всех площадках двери открыли, и все друг к другу заходят... Вот какое-то такое было... наверное, было что-то в этом. (Виктор Г.)

Приезжавшие на большую стройку или, позднее, в молодой город искали новых человеческих отношений, и ожидания оправдывались. Человек обретал идентичность через формирование коллектива и свое участие в этом процессе. Человек сознательно участвовал в создании социальности.

В воспоминаниях царит ностальгия по некоему общинному духу. Но только отчасти эту ностальгию можно объяснить неудовлетворенностью сегодняшней стилистикой и качеством человеческих отношений — ни в одном интервью не прозвучало аргументации в дихотомии «раньше/теперь». Противопоставление сегодняшней и прежней социальной атмосферы если возникало, то ни разу не касалось микросреды, коллектива, только общей социальной ситуации. Но достаточно частый сюжет — контраст между атмосферой стройки и тем, что человек видел и пережил «до».

Мераб Мамардашвили в статье, написанной в позднесоветское время, определял «современную культурную ситуацию в стране» как положение «прислоняющихся неумех»¹. Анализ интервью, взятых в Братске, заставил вспомнить об этой статье. В ней социально-философскому исследованию был подвергнут человеческий мир, сопротивляющийся модернизации, отказывающийся конструировать социальность на каких-либо основаниях, кроме привычных. И при этом язык, с помощью которого М. Мамардашвили описывает доминирующую советскую социальность, дает средства для описания человеческого мира первостроителей Братска, в чем-то концентрирующего черты доминирующего советского, а в чем-то резко отличного от него.

Все мы живем, прислоняясь к теплой, непосредственно нам доступной человеческой связи, взаимному пониманию, чаще всего неформальному. Закон же предстает перед нами как нечто предельно формальное и лишенное необходимого оттенка человечности...

Мы погружены в непосредственную человечность и часто не способны разорвать связь понимания. Мы как бы компенсируем взаимным пониманием и человеческим обогревом неразвитость нашей социальной гражданской жизни².

В существовании «взаимного человеческого обогрева» люди находят ресурс не развития, показывает М. Мамардашвили, а самосохранения, возможность уклониться от осознания ситуации, от предназначения, призвания. Боясь усложнения общества и собственных социальных действий, люди презируют то, что выходит за рамки непосредственного человеческого тепла как формальное и лишенное «знака человечности». Философ отмечает за этим презрением «давнюю мирскую традицию, или традицию мира, общины»³. Именно это презрение к формальному и тяга к «непосредственному», по убеждению Мамардашвили, блокирует рациональное выстраивание социальной жизни, перспективы сознательной социальности. В статье не употребляется понятие гражданского общества, но речь идет именно об идеале автономной личности, осознанно участвующей в социальном процессе.

Социальная история советских 1930–1950-х гг. заставляет видеть, что кроме «традиции мира и общины», тяга к непосредственно человеческому как

¹ Мамардашвили М.К. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке. М.: Политиздат, 1991. С. 9.

² Там же.

³ Там же. С. 10

к экзистенциальной опоре объяснялась также еще и дефицитом непосредственных человеческих связей. Социальное управление строилось именно на разрушении этих связей: семейных, соседских, служебных — и стремлении оставить человека один на один с властью. Общинные устремления были не просто реликтовыми, а воспроизводились заново как реакция на тотальность власти, не оставляющей права на неподконтрольные и несанкционированные отношения.

Общинный дух, тяга к непосредственному теплу человеческих связей — всё это достаточно очевидно в рассказах о первых годах строительства в Братске. Здесь явно находила удовлетворение потребность в общинности, но диагноз «неразвитость социальных умений» в случае Братска применим лишь с принципиальной оговоркой. Мы можем оценивать эти социальные умения как недостаточные или неразвитые, но они здесь нарабатывались, осваивались, были предметом гордости и культурным капиталом.

Тип отношений, который реконструируется в воспоминаниях участников строителей Братской ГЭС, не описывается метафорой «прислоняющиеся неумехи», хотя многие характеристики в полной мере совпадают. Схожесть мира, реконструируемого на основе интервью с первостроителями Братска, и модели, описанной Мамардашвили на основе кинореконструкции провинциального городка (он анализирует фильм В. Абдрашитова и А. Миндадзе «Остановился поезд»), заключается в воспроизводстве общинной жизни как идеала. Отсюда и метафорический ряд — «как одна семья», «люди свои». Но ответственность и профессионализм были не менее значимыми ценностями, чем взаимное понимание.

Тяга к общинности стала и предпосылкой к массовому возникновению в 1960-х гг. «неформальных коллективов», о которых, исследуя предпосылки разрушения советского строя жизни, пишет И.П. Смирнов в книге «Социософия революции». «Неформальные коллективы» — детище именно тех, кто вырос в сталинскую эпоху и строил свою жизнь в 1950–1970-х, в более поздних поколениях эта традиция утратила массовость:

И глядящий в человеческое прошлое и укорененный в настоящем, равнодушный к запросам большого общества и революционный, трудовой и праздный, почти семейный и антиавторитарный, нивелирующий личности и повторяющий им, малый неформальный коллектив...¹

Тезисный анализ Смирнова построен на интроспекции, на постоянном обращении к опыту объединений питерской интеллигенции. Но процитированная характеристика почти в полной мере относится к тому коллективизму, который вызывал эйфорию у приехавших на великие стройки. Можно составить таблицу для сравнения тех характеристик, которые Смирнов дает на опыте неформальных коллективов гуманитариев, и тех, которые повторяются в интервью, взятых в молодых сибирских городах у участников строек и их детей. Это будет в основном таблица совпадений. Может быть, только в силу особенностей биографий первостроителей «реликты сельской общины» в сибирских случаях будут более

¹ Смирнов И.П. Социософия революции. СПб., 2004. С. 366

очевидны¹. Но есть одно принципиальное отличие — степень и формы связанности с «запросами большого общества».

«Запросы большого общества» играли важную роль в судьбе и внутреннем мире участников — их личные траектории и экзистенциальные опоры слишком плотно зависели от участия в большом проекте. Но их отношения с идеологией и с «большим обществом» как идеократическим были далеко не однозначны. В случае молодых городов это отношения между идеализмом, обретшим практическое поприще, и идеократией, абстрактной и дегуманной. Именно в силу их аофициозности и антииерархичности я применяю понятие неформальные, хотя они часто складывались на основе совместной работы:

В своей легальной версии иносоциальность часто оказывается взаимовыручкой людей, по одиночке бессильных превозмочь институционализированную власть (их, как говорится, социальным капиталом)².

Понятие «дружба», которым И.П. Смирнов именуется стилистику отношений в неформальных коллективах, было бы неточным применительно к Братску. То, что Смирнов выделяет как наиболее существенное для понимания основ существования неформального коллектива, — «в дружбе мы находим не Другого, а себя-в-Другом, не подчинение, а равенство» — применимо не в полной мере. Совпадения с поведенческими моделями, реконструируемыми Смирновым, в том, что коллектив представляется результатом выбора: человек, выбрав новую стройку, так или иначе выбрал тех людей, которые, как и он, решились приехать сюда. Но границы коллектива размыты, они включают и тех, кто не является товарищем по работе или соседом по быту. «Люди свои» — не только те, кого ты знаешь в лицо и по имени. Поэтому понятие *солидарность* более уместно, чем слово *дружба*.

Солидарность предполагает равенство не как абстрактную цель, а как условие общения людей. Солидарность — сопротивление идеократии, поскольку основана на принятии человека таким, каков он есть, независимо от анкетных данных. Если идеократия осуществляет селекцию памяти, заставляя стыдиться, утаивать, мимикрировать, то в сообществе, основанном на солидарности, память принимается как то, что неделимо, что неотъемлемо от человека и всегда индивидуально (возможно похоже, но не типично — «здесь у каждого своя какая-то история», как заметил Виктор Г.). Солидарность никем не предписана и не является результатом протеста или сопротивления. Нормы солидарности вырабатываются, транслируются вновь прибывшим, отличают сообщество «первостроителей» от того аморфного «большого» общества, в котором жили те, кто приехал.

Примером выработки норм может служить такая повседневная бытовая практика, как отсутствие замков. О том, что на стройках коммунизма не замыкались чемоданы и тумбочки, а затем дома и квартиры, мы знаем из газетных очерков, кинофильмов и поэм.

¹ И легальные, и иллегальные неформальные коллективы и впрямь содержат в себе реликты сельской общины. — См.: Там же. С. 365.

² Там же. С. 363.

Давней осенью в одном из железногорских домов я увидел прикрепленную к двери квартиры записку: «Ребята! Или кто придет! Ключ в почтовом ящике, чай, сахар, масло в тумбочке. Пейте чай. Будьте как дома. Л.И.» После знакомства с хозяйкой выразил «удивление по поводу рискованной, на мой взгляд, практики открытых дверей: народ на стройке разный.

— Два раза уносили кое-что. Но я не придаю значения. Большинство же — замечательные ребята. А некоторые придут и деваться не знают куда. Пусть у меня немного поживут, а там, глядишь, и устроится жизнь¹.

Ни один мой собеседник в интервью не упоминает об этой практике, но в ответ на специальный уточняющий вопрос подтверждают как само собой разумеющееся. Иногда в рассказе о палаточном периоде упоминают, что деньги могли просто лежать на виду или в самых неожиданных местах:

Что характерно, покупать было нечего. У всех под кроватью стояли то ли чемодан, то ли балетка, набитая деньгами. И все уходили из палатки — у нас Зюбина была с ребяташками, а в остальных никого — и никто не ворвал. (Клара Т.)

Другой пример — взаимный обмен умениями в обустройстве быта. Вот первые недели после заселения первых жилых домов:

Потом начались поделки: трубы гнут — делают кровати. Пружинные матрасы. Этажерки делают. Табуретки делают. Всё друг другу заказывали: «Гена, сделай мне приемник — что-то не работает». (Клара Т.)

Бывшая учительница вспоминает:

Мы решили устроить праздник, посвященный Пушкину... А ничего же не было — никаких штор и т. д. Зал маленький. Родители несли покрывала, простыни. Костюмы сами шили — ребята, родители, учителя. И получился у нас такой спектакль, такой концерт... (Людмила З.)

А вот ежедневное событие — обед тех, кто работал на плотине, в единственной столовой:

— Обед был у всех в разное время?

— Что ты?! В одно! Открывается она в 12 часов, на улице народ стоит, не знаю, сколько. И главное дело, стоит толпа у дверей и надо выбрать такую точку, чтоб тебя — чик — и вытолкнули туда, как пробку. Но если ты оказался где-то около дверей, около обочины — всё, тебя сомнут.

— А как за час поесть успеть?

— А так. Бригада посылает одного человека — он там стоит, занял очередь, и к нему (свои) идут-идут. (Ещё) один держится за стул — стульев не хватает, другие стоят за ложками, третий стоит за двухсотграммовой банкой — для компота, еще за чем-нибудь. И стыдно долго кушать — с подносом стоят и ждут, когда уйдёшь. (Клара Т.)

¹ Шугаев В. Кое-что о сибиряках. М.: Советская Россия, 1975. С. 63.

Солидарность — взаимоподдержка в преодолении экстремальных условий и в повседневном быте, сплоченность в выполнении социальных обязательств (в том числе и трудовых, понимаемых как социальные) и в создании условий совместной жизни. Важнейшая характеристика солидарных отношений — антисословность. На фотографиях, где запечатлены трудовые коллективы, никаких признаков иерархии. Руководители среднего звена ходили в той же самой одежде, что и рабочие — в рваных телогрейках, подшитых валенках. Естественно, что сословные перегородки не воспроизводились и за пределами производства:

— У ребят не было деления — кто чьи дети?

— Нет. У нас были и дети больших начальников. Я имею в виду нашу школу. (Людмила З.)

Идеал общинности, тяга к ней играет значимую, конституирующую роль в этом создании социальности, но общинность не копируется — это не столько воспроизводство каких-то образцов, сколько импровизация в соответствии с идеалами поколения и социальными ожиданиями маргинального человека. Социальность создается заново. В этом творчестве есть импровизация равенства (явный индикатор — антисословность) и есть солидарность, которую можно назвать солидарностью маргиналов. Автономия, самоценность личности согласуются с социальным признанием, с определенностью положения и с общинностью. Во взаимоподдержке и сплоченности важную роль играет принятие друг друга со всеми сложными биографиями, социальной и образовательной разностью.

В. Шугаев в очерке цитирует бывшего москвича, обосновавшегося на Усть-Илиме: *«Люди здесь основательно, что ли, друг к другу относятся. Неторопливо»*¹. Через формирование коллектива, через солидарность происходит обретение человеком идентичности, не отменяющей прежней, но не менее значимой, чем она, не требующей отказа от прошлого, но обеспечивающей участие в настоящем.

Человека определяли — хороший человек или злой, или нечестный. Только так. А кто он там — татарин, или русский, или еврей — никакой даже мысли не было. Никто и не спрашивал, кто ты и откуда. Работали. (Николай Д.)

Эта краткая фраза многозначна. В интервью она прозвучала в заключение — одна из тех фраз, которые собеседник добавляет к своим ответам, чтобы выделить смыслы сказанного ранее или добавить что-то очень существенное к сказанному. Вопрос о национальности в интервью не задавался. И фраза свидетельствует о том, что, во-первых, национальность всё же отмечалась, во-вторых, не была, по мнению респондента, посылкой для социального признания или отторжения, и, в-третьих, что сам факт изменения функций этничности воспринимался как признак, если не исключительности, то особенности «коллектива стройки».

На материале Усть-Илимска реконструируется аналогичная картина — уже в других социальных условиях, при других критериях. Национальная принадлежность человека не акцентируется окружающими, не служит для самого человека инстанцией, придающей значение — иерархии национальностей нет. Но непременно отмечается как индивидуальная характеристика. Богатство

¹ Там же. С. 10.

и индивидуальность памяти активно участвовали в складывании межчеловеческих отношений, были символическим капиталом, не менее значимым, чем тот, который связан с производственной или стратовой иерархией. Прошлое каждого человека, даже если оно не артикулировалось, активно прочитывалось окружающими¹.

Историческая мобилизация

Для понимания того, что представляли собой стройки коммунизма как человеческий мир, особенно значимо, что одно из главных качеств советского человека — готовность к мобилизации. «Величайшая в мире» — знак соревнования систем, начавшейся гонки в достижениях с Америкой; данной формулой определялся главный исторический смысл стройки в Братске с конца 1950-х гг. И не менее важный исторический смысл — преобразование нетронутых прогрессом просторов. Сибирь была поприщем для социального признания и самоутверждения молодого человека. Историческая миссия становилась частью коллективной идентичности, особенно значимой для тех, кто приехал на стройку из больших городов: участники строительства чувствовали себя представителями современности в таежном крае, глухомани. Перед ними стояла задача не экономическая, а историческая. Основной аргумент необходимости строительства Братской ГЭС — выполнение планов освоения Сибири, а отнюдь не неотложная потребность в электроэнергии. Ударная стройка в Братске была формой исторической мобилизации, которая оказалась достаточно емкой для тех, чья социальная и трудовая активность окрашена романтизмом, для тех, кто проходит социальную реабилитацию, и для тех, кто стремится на основе собственных усилий создать условия для самостоятельной жизни.

Для послевоенных подростков, «опоздавших» на войну Отечественную, один из главных вопросов: «А как поступил(а) бы в войну?». Героизм оставался для них главным и безусловным доказательством человеческой доброкачественности. Между интервью, которые цитируются ниже, два дня. Клара Т. говорит об одном и том же времени. Но сказанное ей могло прозвучать и с диапазоном в несколько минут — для нее здесь нет противоречия. Эпизод из воспоминаний о деревне:

В сорок девятом году, конец августа — сидим, ужинаем. Говорю: «Мама, я сбегу из колхоза». — «Беги, не бойся. Не бойся, Клара, тюрьмы — там кормят».

Фрагмент из воспоминаниях об атмосфере на стройке:

Время такое было. Не народ, а чудо!

— Может, потому, что вы из деревни вырвались, из крепостного права?

— Мы признавали это крепостное право, потому что война недавно кончилась. Из деревни дезертиров было полно, скрывались в лесах. Банд сколь-

¹ См. подробнее: *Рожанский М.* Память города без прошлого // Биографический метод в исследованиях постсоциалистического общества. СПб.: ЦНСИ, 1997. С. 58–62.

ко было. А сколько предателей было. И это всё знали. И отношение западных украинцев, и что сделали татары крымские.

И чуть позже об отношениях на стройке:

Задавался невольно вопрос: может предать или нет, в разведку с ним пойдешь или нет. А сколько комиссаров стреляли в спину и командиров. Всё это знали.

«Связка истории и человека, — пишет Мамардашвили, — определяет современность», а наличное советское в цитируемой статье он рассматривает как несовременное. Но из контекста следует, что для Мамардашвили связка истории и человека — отрефлектированное участие в истории, когда история является для человека полем драмы. Такое четкое антропологическое расчленение естественно в социально-философском анализе. Однако в конкретном социально-историческом исследовании не только рациональное, но и иррациональное предстает как «связка с историей». История интериоризирована настолько глубоко в личность человека, выросшего в советский период, что если для немногих она (история) — поле драмы, то для очень многих ее смыслы существенны при мотивации поступков, решений, выборов, при этом будучи слабо отрефлектированными или вообще не подлежащими критическому восприятию. Именно неразвитость самостоятельной исторической рефлексии дает повод к тому, чтобы сводить «советское» в сознании людей к результатам тотальной идейно-воспитательной обработки. Но ощущение исторических сдвигов, претерпевание истории и связывание с историей надежд, как и стремление к социальным идеалам — все это много глубже, чем то, что могут формировать пропаганда и воспитание.

Право на «советское» (определять, что является им, а что нет) узурпировала власть, это и называется идеократией: основные инструменты социального управления были апелляцией к историческому человеку. Даже политический террор в большой степени обеспечивался обращением к массам от имени истории, а такой ресурс, как энтузиазм, всегда оформлялся и/или провоцировался историческим значением выполняемых задач.

Высокая степень зависимости от истории претерпевалась каждым человеком, жившим в советское время. Дело не столько в коммунистической идеологии, сколько в антропологической власти истории над человеком, которая нашла свое наиболее радикальное воплощение в идеологии социалистических стран (не только в их идейной элите). Высокие темпы социальных изменений, просвещение, распад традиционного общества и радикальное социальное переструктурирование, урбанизация, т. е. социальная модернизация, разворачиваются в иной исторической длительности, нежели ограниченные сроки собственно советской истории. И социальный идеализм рождается не вместе с революцией, он обретает советскую форму и плотно — до сращивания — скрепляется с ней.

Советская цивилизация была сменой признаков «своего», и это смена давала возможности колоссальной мобилизации как на основе исторических смыслов, ставших экзистенциальными, так и с помощью социального управления (манипуляции — с оговоркой, что сами манипулирующие могли чувствовать себя не манипуляторами, а полпредами истории). Цель — новый мир, новый человек,

новые отношения — не была выдумана в штабах революции, она естественно произносилась и принималась многими людьми, которые желали быть «новыми» и, более того, имели опыт обновления своего статуса, условий своего существования, опыт делания своей жизни и самих себя, соответствующие идеалы из жизни и литературы. *Советские идеалисты* — те, для кого эта зависимость от идеологии воспринималась как счастливый шанс самореализации, как непрерывное личное участие в преобразованиях. Кто-то воспринимал этот шанс как выпавший по праву рождения (Страна! Эпоха!), кто-то связывал его с собственным выбором в пользу великой стройки и нового города.

Центральное место в ценностном мире советских идеалистов занимали не неясный и далекий коммунизм, а внутренняя гордость за мессианскую роль страны, дававшая им шанс на личное участие в авангарде истории, увлеченность модернизацией жизни, т. е. масштабным по всеохватности просвещением, гигантскими стройками, покорением пространства, покорением природы.

В коллективной научной работе «Социокультурный феномен шестидесятых», вышедшей в РГГУ¹, феномен *шестидесятых* исследован как кризис советского сознания. На титульном развороте фотография Юрия Гагарина, обложка оформлена фотопанорамой молодого сибирского города. Но статьи, составившие книгу, посвящены культурной жизни Москвы, Ленинграда, новосибирского Академгородка. Это характерное ограничение как темы шестидесятых, так и темы разрушения советского сознания. Ударные стройки и молодые города — не просто часть социальной атмосферы шестидесятых, в молодых городах выявлялись существенные противоречия советского идеализма, идеалы сталкивались с идеократией.

Внуки Октября. Л. Аннинский в статье, включенной как послесловие в одно из изданий книги П. Вайля и А. Гениса, передает мир 1960-х формулами «концентрация энергии», «мания восхождения», «опьянение мировой культурой, опьянение мировой революцией», «опьянение соперничеством с главной державой Запада»².

Для подростков шестидесятых это был мир, каким он должен быть — энергичным, восходящим, наполненным романтикой борьбы и освобождения народов, иначе говоря, естественным следствием революции и разгрома фашизма. Поколение, выросшее в обстановке десталинизации, романтизации «очищаемых» идеалов, воспринимало пафос революционного обновления мира, транслировавшийся литературой, киноискусством, институтами воспитания и воспитанием неформальным. Представители этого поколения прежде всего и рекрутировались на ударные стройки 1970-х гг., включая самую масштабную и «громкую» — Байкало-Амурскую магистраль. Так же как и в Братск, в новые молодые города ехали те, кому трудно было по каким-то причинам вписаться в общество там, где отношения и нормы устоялись. Пафос самовоспитания снижается: такие резкие формулы, как «переделать себя», «настоящий человек», «человек будущего», плохо совместимы с процессами индивидуализации, с ав-

¹ Социокультурный феномен шестидесятых / Сост. В.И. Тюпа, О.В. Федунина. М.: РГГУ, 2008.

² *Аннинский Л.* Пальмы на айсберге // Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 333, 334.

тономизацией личной жизни, но испытывать себя трудностями, искать «трудное счастье» — это и право на личный выбор, утверждение достоинства самостоятельного человека и символический капитал общественной пользы.

Основная часть исследования в Усть-Илимске проходила в 1994—1996 гг. на основе метода истории семей¹. По биографическим интервью можно сравнить два поколения, два слоя социальной жизни: «коллективисты»-энтузиасты 1960-х и «индивидуалисты» 1980-х. Оппозиция друг другу не выявляется: и там, и здесь речь идет о выработке соотношения индивидуализма и общинности. Мера индивидуального и коллективистского ищется заново (от давления ритуального коллективизма до сохранения ситуации «белой вороны», но на миру).

В. Тюпа характеризует 1960-е гг. через драматизм двоедущия («официального» и «неофициального»), отличая его от последующего циничного разделения этих сфер и игры «по правилам»². Последующее разделение официального как общепринятого лицемерия и неофициального как сферы естественных человеческих интересов, — «диктатура двоемыслия» (Ю. Левада) — и порождало те социальные обстоятельства вторичной социализации, которые противоречили идеалам и нормам, усвоенным поколением родившихся в 1950-е гг. и выросшим в 60-е. Географическая мобильность, в том числе, отъезд на ударные стройки или в молодые города, была типичной моделью разрешения этого противоречия. Циничное принятие правил игры здесь не стало нормой, скорее, общественно осуждалось, как и двоемыслие.

Идеалы ехавших на ударные стройки в 1970—1980-х не имели никакого отношения ни к коммунизму, ни к преобразованию «дикого края». Идеологический идеал всегда отложен на будущее и придает настоящему статус временности, неподлинности. Идеал человеческих отношений реализуется в настоящем. Сферой его реализации в условиях «молодого города» являлась приватно-публичная жизнь. На больших молодежных стройках, а затем в построенных молодых городах приватно-публичная жизнь оказалась развита не меньше, чем в больших городах, о которых, в основном, и пишет автор понятия В. Воронков³. Здесь она была, по сути, синонимом досуга и культурной жизни, в которых в большой степени присутствовали неформальные и полуформальные объединения «по интересам», внепроизводственное общение производственных коллективов (бригад, школьных учителей и т. д.).

Определяющая черта этих неформальных и полуформальных коллективов — не демобилизация с фронта исторических задач, а воспроизводство социальной жизни на микроуровне: складывание сферы общения, неременное и постоянное появление новых людей, отказ от прежней, оставленной где-то жизни и надежды устроить по-другому свою новую жизнь. Так складывалась ситуация хрупкого

¹ Предметом исследования были формирование и межпоколенческая трансляция городской идентичности. См. подробнее *Рожанский М.Я.* Память города без прошлого.

² *Тюпа В.И.* Кризис советской ментальности в 1960-е гг. // Социокультурный феномен шестидесятых. С. 19.

³ *Воронков В.М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 193—194.

равновесия человеческих отношений, возможная только в движении и в открытости изменениям, обновлению. Она подразумевала осуществимость идеала, его непосредственное участие (без медиаторов-пропагандистов, но с бескорыстными и активными лидерами) в человеческой жизни, реализации практического смысла и была в Усть-Илимске вполне публичной и общепонятной.

Идеальный характер отношений между людьми — главная тема всех биографических интервью, возникавшая в нарративе без каких-либо прямых вопросов. Идеал, который не откладывался на будущее, упразднял смыслы идеалов, которые из будущего оправдывали вечную «временность» неустроенной жертвенной жизни и жесткость «вынужденных» средств движения к будущему. Идеал человеческих отношений, реализуемый в приватной публичной жизни, обесценил как медиаторов идеологий, так и сами идеологии, определил десакрализацию власти.

В Усть-Илимске отобрание с приходом перестройки исторического смысла жизни, отданной «стройке коммунизма», крайне редко воспринималось как личное жизненное крушение, как угроза для памяти. Собственно усть-илимская жизнь, память об этой жизни и обнаружение смыслов в настоящем стали альтернативой новым идеологиям точно так же, как были альтернативны старым.

Заключение. Власть большевиков, приняв в качестве нормы преобразовательный потенциал маргинального человека, стремящегося стать своим в меняющемся обществе, воспринимающего историю как возможность самореализации и самоутверждения, возвела в методологию социального управления всеобщую маргинализацию общества и эксплуатацию социальных идеалов человека, стремящегося стать новым, «настоящим».

Оставим для философских трактатов вопрос о том, возможна ли в принципе антропонимическая революция. Двадцатый век и прежде всего советская история дает достаточно материала, чтобы утверждать, что она не может быть совершена историческими средствами, предполагающими подчинение человека социальным задачам. Советская история — урок поражения подобного намерения. Режим, провозгласивший историческую задачу — решение проблемы равенства, пытался взять под контроль основы воспроизводства человеческой жизни. Это обернулось угрозой разрушения самих основ социальных отношений как таковых.

Во-первых, потребность маргинального человека в «своей» группе — основа принятия коллективистских ценностей как правил игры, как средства достижения и как маскировки (в том числе, от себя) осуждаемых публично целей индивидуальных. Поскольку ценности эти не унаследованы, а когда-то приняты персонально, то человек сохраняет способность дистанцироваться от них. Поэтому страна маргиналов быстро проживает идейные эпохи и обычным, даже, естественным выходом оказывается не взаимодействие идей и мировоззрений, не согласование идей с реалиями страны, а контрастный переход в иную идейную эпоху. И когда ценности частной жизни были легитимизированы, официальные идеологические ценности достаточно быстро оказались осмеяны и отброшены.

Во-вторых, режим, приняв на себя осуществление идеала и постоянно напоминая об этой задаче, подтачивал собственные основы. Именно неспособ-

ность осуществить идеал «нового человека», несоответствие этому идеалу тех, кто режим олицетворял, развели на разные дороги советское государство и советское общество.

В-третьих, удержание и/или выстраивание межличностных отношений как внеидеологической, внесистемной, внеполитической солидарности — «культ дружбы» в неформальных коллективах интеллигенции, о котором пишут И. Смирнов и В. Тюпа, коллективизм первостроителей Братска или идентичность Усть-Илимска как городского коллектива — оборачивается разрушением социальных основ идеократии.